

Глава 5. Тамбов

В Тамбов мы выехали в конце мая 1934 года налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Все громоздкие вещи остались в Саратове. Эрночка с Петей должны были их продать вместе с домом. На вырученные деньги предполагалось здесь, в Тамбове, купить домик или часть дома и хоть какую-нибудь мебель. А пока нам предстояло жить на квартире и искать подходящее для покупки жильё.

Из Саратова мама уезжала с тяжелым сердцем. За красными сигнальными огнями последнего вагона оставалась вся ее прошлая жизнь, могилы родных. Тяжелые мысли мучили её. За пять с небольшим лет, прошедших после смерти мужа, ей пришлось продать все, что было создано и нажито им с таким трудом: флигель, дачу, сад. Всё, к чему привыкла, с чем сжилась семья, что стало символом её счастливой прошлой жизни, продано за бесценок и прожито. И теперь, оставив последнее пристанище и порвав связи с родными местами и людьми, ехала она в неизвестность, ехала не одна, что было бы проще. Ехала с детьми, за судьбу которых так волновалась.

Тамбов, что знала она об этом городе, кроме того, что продукты в нем намного дешевле, чем в Саратове. Эрночка, которая ездила в этот город на разведку, характеризовала его весьма противоречиво. Провинциальный, купеческий. По населению в 3-4 раза меньше Саратова. Приземистый, пыльный. Стоит на берегу небольшой, но живописной речки с таким странным названием - Цна. Зелёный, почти при каждом доме небольшой садик. Красивых домов раз-два и обчёлся. Две асфальтированные улицы, одно высшее учебное заведение, один театр, один музей. Зато на рынке много доступных по цене продуктов: молока, сметаны и даже яиц. А люди? Люди, как везде, разные.

Может быть, следовало все же остаться? - думала она, глядя на проносящиеся мимо полуразвалившиеся избы какой-то деревни. Но как тогда жить? Последнее, что у неё осталось, это обшитый тёсом дом, в небольшой проходной комнате которого последнее время ютилась она с детьми. Его надо было продать, пока не отобрали. Продать и прожить так же, как продано и прожито всё остальное. К сожалению, в Саратове вырученных денег хватит не более чем на год, полтора. А потом быстро надвинется нищета. В шестьдесят лет, не имея хорошей профессии, ей, женщине, да к тому же немке, в Саратове, где так много грамотных, образован-

ных людей, работу не найти. Вся надежда на Лялю. Ей уже 17 лет, но нет никакой конкретной профессии. А что станется с Робочкой, которому только 13? Нет, надо ехать и продержаться хотя бы еще 8-10 лет - думала она - и дать ему образование. Образование любой ценой.

Была и еще одна причина, из-за которой мама стремилась уехать из Саратова. Она панически боялась ареста. Ареста, о возможности которого ни на минуту не забывала с той памятной ночи, когда безжалостные руки рвали тесёмки на её пакетиках и узелках. Она не чувствовала за собой никакой конкретной вины и не верила в вину мужа. Разве что мысли! Мысли, высказать которые вслух она никогда не решалась. Но ведь именно за такие мысли,

г. Тамбов. 1934 год.

Эрночка с мужем - Петром Варфоломеевичем Гунгер и детьми: Гольди (Райнгольдом) и Адюшей (Адольфом)

при одном лишь подозрении, что они могут существовать, посадили не одного из её знакомых и родных. И теперь, уезжая из Саратова, она наивно рассчитывала обмануть свою судьбу - судьбу в черной кожаной тужурке и хромовых сапогах.

Насколько было бы легче, если бы рядом была Эрночка, - продолжала размышлять она. Но там Петя, тысячами нитей привязанный к немреспублике, Мариенталю. Он и Эрночку пытается приучить к деревенскому образу жизни. Но она-то знала, как плохо приспособлена её дочь к жизни в деревне, как боится её. Знала, как Эрночка любит Саратов, как важно для неё, что где-то рядом есть оперный театр, консерватория, университет; что, придя домой, можно сесть за фортепьяно и сыграть Шопена, Шумана, Грига. Тревожили маму и напряженные отношения, складывающиеся

между ней и Петей. Она понимала, что ради дочери должна смириться с его нарочитой грубостью и неприятием принятых в нашей семье форм общения и воспитания. Она признавала многие его достоинства: он не курил, не пил, был очень трудолюбив, безусловно, не глуп, начитан. Но всё это странным образом сочеталось в нем с домостроевским отношением к жене, детям. За столом первый и лучший кусок мяса должен быть положен ему, хозяину, а не детям, как у нас. В семье его требования должны были выполняться беспрекословно. Его выводило из себя, когда детям начинали объяснять, почему надо поступать так, а не иначе. К тому же этот поволжский диалект, с его грубо-гортанным произношением, идеально приспособленным, как ей казалось, для такого домостроевского общения. Ведь он же хорошо разбирался в произведениях Шиллера и Гёте, любил, по его словам, их язык. Как же он мог позволять себе это варварское «*Was hotterst du gesat*». Бедная Эрночка, бедные дети, как трудно им с таким отцом. Хотя бы Ляле повезло с мужем - думала она.

А Ляля, сидя рядом с ней в душном плацкартном вагоне, думала о том, что, наверное, никогда уже не увидит Володю Плотникова, который уже год, как уехал в Вольск к больной матери и прислал за это время всего три открытки. Думала о своих подругах, которые остались в Саратове, и о том, что ожидает её в Тамбове. Она понимала, что одной матери не справиться с надвигающимися проблемами, что теперь сама она оказалась в положении старшей, на которую ложится большая ответственность.

А я, лежа на верхней полке, пытался при свете заходящего солнца дочитать «Машину времени» Уэллса. Не думалось мне тогда, что вместе с проносящимися мимо километровыми столбами уносится в прошлое мое золотое, безоблачное детство, к воспоминанию о котором я потом буду обращаться в тяжёлые минуты своей жизни.

И вот мы идем по Тамбову. По сравнению с Саратовом он и нам показался большой деревней. Особенно вечером. Уже к девяти часам почти все окна тёмные. Лишь кое-где сквозь щели в ставнях виден свет. Путаясь в неосвещённых улицах, находим нужный нам дом. Хозяин, портной, с небольшим горбом, несоразмерно длинными руками, окинув нас оценивающим взглядом, показал комнату. Небольшая, с одним окном, выходящим в соседний двор. Стол, два стула и две кровати. Под самым потолком на коротком проводе засиженная мухами лампочка.

Утром познакомились с другими жильцами. В половине, принадлежащей нашему хозяину, кроме нас, в такой же небольшой

комнате жила еще одна семья. Мать с сыном. Был он одних со мной лет. Звали его Лёва, Лёва Петерсон. Впоследствии мы с ним подружились. Во второй половине дома, выходящей во двор, жила девочка, примерно наших с Лёвой лет или на год старше. Была она кудрявой, черноглазой и постоянно чему-то улыбалась, над чем-то посмеивалась. Звали её Ирой. Она мне очень понравилась, и я долго стеснялся проходить в находящийся на улице туалет мимо её окон.

К сожалению, наш хозяин оказался пьяницей и вымогателем. Получив квартирную плату за три месяца вперед, он уже через месяц начал буйствовать и прогонять нас из дома, грозя выломать топором дверь. Мы и Петерсоны, оказавшиеся в таком же положении, на ночь привязывали ручки дверей к кроватям. Дошло до того, что несколько раз для выхода из комнаты приходилось пользоваться окном. Выручили нас братья-близнецы Зарецкие, жившие как раз в том дворе, в который выходило наше окно. Было им лет по 16, занимались они спортом и в страхе держали всю округу. Ляля им приглянулась. Начались ухаживания, которые выражались в том, что они у нас под окном делали стойки, ходили на руках, крутили на турнике «солнце». Узнав, что «горбун», так они звали нашего хозяина, притесняет нас, они приняли «необходимые меры», в результате которых отношение к нам хозяина заметно улучшилось. Но усложнилось положение Ляли. Мама не на шутку встревожилась. Начались поиски другого жилья.

Вскоре мы переехали на квартиру к каким-то полякам. Переезд не занял много времени. С улицы Августа Бебеля, где мы жили у «горбуна», до новой квартиры по улице Карла Маркса было не более десяти минут хода. Новые хозяева выглядели вполне прилично, а вот выделенная нам комната мне совсем не понравилась. Была она темной. Её единственное окно заросло сиренью, которая ко времени нашего переезда уже отцвела. Комната была оклеена тёмно-красными обоями. Почти в центре стоял большой платяной шкаф хозяев, такого же, как и обои, тёмно-красного цвета. По замыслу мамы, он должен был отгораживать угол, в котором располагалась Ляля. Три наших кровати, шкаф и небольшой стол, на котором и готовили, и ели, занимали всё пространство комнаты. Места для стульев не оставалось. Была одна табуретка.

В первую же ночь мы подверглись нападению клопов, с которыми до этого никогда не встречались. На другой день по совету хозяев ножки кроватей поставили в консервные банки, наполненные керосином, но клопы заползали на потолок и оттуда подали на

наши кровати. Началась изнурительная многодневная борьба с использованием всех доступных нам средств.

Ещё запомнились мне железные решётчатые ворота, небольшой дворик, во дворе старый вяз, на который, к неудовольствию мамы, я любил залазить и через самодельный «телескоп» наблюдать луну и звёзды. За домом был сад с десятком фруктовых деревьев, который охранялся привязанной на цепь овчаркой. Цепь скользила по длинной, толстой проволоке, натянутой от одного угла сада до другого. Жила собака в будке, обитой жестью и окрашенной во всё тот же тёмно-красный цвет. Я страшно не любил этого пса и злил его, бросая в будку камни.

А жизнь шла своим чередом. Ляля устроилась на курсы счетоводов, по окончании, которых стала работать кассиром в переводном отделе Тамбовской почтовой конторы. Мама занималась репетиторством, а я ходил в пятый класс школы N 8. Стояла она на Лермонтовской улице почти у самой Цны, к которой мы бегали на больших переменах.

С этим периодом нашей жизни в Тамбове связано событие, оставившее в моей памяти чувство неловкости и стыда. У меня была высокая температура. Я лежал в постели. Около кровати стояла табуретка, на ней книги. Мама что-то варила на керосинке. В комнате было темно и угарно, и в этот момент раздался стук в дверь. Мама открыла. В дверях стояла Ира, наша черноглазая соседка по двору «горбуна». От охватившего меня стыда за наше жильё, за нищенскую обстановку, за бедность я закрылся с головой одеялом. Никакие мамины уговоры не помогли. После ухода Иры мама долго объясняла мне, что стыдиться бедности грешно. Нужно с достоинством и мужеством нести свой крест. Этому её завету я пытался, по возможности, следовать. Но получалось это у меня не всегда.

Но вот, наконец, наш дом в Саратове был продан. Значительную часть полученных средств съели налоги, сколько-то было выделено Эрночке. На оставшиеся деньги мама в Тамбове купила часть дома по улице Карла Маркса, 73. Было в ней всего две комнаты, одна 18, другая 20 квадратных метров и небольшой чулан. Кухни не было. Одна из комнат двумя своими окнами выходила на улицу, другая - во двор, вернее, в узкий проход между домом и забором. В этот же проход вела и входная дверь нашей квартиры, а из него - небольшая калитка на улицу. За домом был общий двор, а за ним отгороженный дровяником садик. В принадлежащей нам части росли три яблони, два деревца вишни и куст смородины.

От улицы Лермонтовской нас теперь отделяли всего два домовладения, так что ходить в школу стало совсем близко, не более 15 минут. При пересечении с улицей Карла Маркса улица Лермонтовская расширялась, образуя небольшую площадь, засаженную тощими деревцами. Ходили разговоры, что здесь должны поставить памятник М.Ю. Лермонтову. По другую сторону ул. Карла Маркса стояло приземистое одноэтажное здание, без окон, с железными, напоминающими ворота дверьми, которое местные жители почему-то называли «Арсеналом». «Арсенал» врезался и раздваивал улицу Лермонтовскую.

По другую сторону площади продуктовый магазин. В нем хлеб, макароны, крупы. Главным образом, пшено и перловка, иногда рис и манка. Из жиров - постное масло. Из сладостей: подушечки, леденцы, повидло, халва, пряники. Иногда мармелад и пастила. Конфеты в обертке редкость. Из напитков, кроме водки и вин, ситро и крем-сода. На улице бочка с квасом. По сравнению с саратовскими магазинами это казалось изобилием.

Все остальные продукты: мясо, яйца, молоко, сметану, творог, сливочное масло, овощи и фрукты можно было купить только на базаре. И хотя они были значительно дешевле, чем в Саратове, но для нас так же малодоступны. На центральной улице (ул. Ленина) и в городском парке «мороженицы» торговали сливочным мороженым. Два вафельных кружочка, между которыми, в зависимости от цены, двадцать, тридцать или сорок граммов мороженой сливочной массы. В жаркие летние дни вокруг тележки с мороженым толпятся ребяташки, наблюдающие, как тётя в белом халате орудует своим инструментом: жестяной формочкой в виде короткого цилиндра с поршнем. Вот на дно цилиндра кладётся вафельный кружок, потом два, три ловких движения ложкой и цилиндр наполнен белоснежной, дымящейся от холода массой. Сверху - второй вафельный кружок. И, наконец, нажав на поршень, продавщица извлекает из цилиндра готовое мороженое. В жаркие дни выстраивается очередь. Некоторые берут в складчину и лизут по очереди, следя за тем, чтобы напарник не откусил кусочек.

Уже когда я учился в восьмом классе, в городском парке появился павильон, в котором торговали газированной водой. Два длинных, с делениями, стеклянных цилиндра, укрепленных на вертикальной стойке. В них сироп двух сортов: яблочный и грушевый. Продавщица поворачивает вентиль, и тоненькая струйка сиропа льётся в стакан. Отмеренная с аптечной точностью доза разбавляется тугой струёй шипящей и холодной газированной воды. Казалось, ничего приятнее в жаркий летний день не придумать.

Наиболее состоятельные граждане заказывают двойную или тройную порцию сиропа. Снобы предпочитают чистую, без сиропа, считая, что она лучше утоляет жажду. Мы тоже чаще всего пьем чистую, пузырящуюся газом холодную воду, но совсем по другой причине.

По вечерам в парке компании молодых людей с крепкими бицепсами и бычьими шеями развлекаются: заказывают газировку на всю компанию и, отойдя в сторону, не спеша, посмеиваясь, пьют шипящий напиток. Свободных стаканов больше нет. Очередь терпеливо ждёт. Потом компания заказывает по второй, потом по третьей порции. Очередь возмущается, шумит. А молодые спортивные ребята хохочут, развлекаются.

Жилось нам в те годы трудно, мама еле-еле сводила концы с концами. Пенсию платили ей и мне. Лялина зарплата была небольшой. Денег хватало только на приобретение самых необходимых продуктов, особенно после того, как в 1935 году отменили карточки. Одежду мама перешивала из старых вещей. Труднее было с обувью. Особенно с моей. Приходилось ходить в калошах, которые я привязывал шнурками, продетыми сквозь дырки в задниках.

Но должен сказать, что даже в такой одежде я не особенно выделялся среди других школьников. Да и в питании не было большого различия. Редко кто приносил на завтрак в школу бутерброд с колбасой или сыром. Пожалуй, самым состоятельным в нашем классе был Петров, отец которого заведовал небольшой пекарней - булочной. Рассчитывая на мою помощь в выполнении домашнего задания по математике, он иногда приглашал меня к себе домой. Там его мать угощала нас белоснежными горячими булочками с холодным молоком. Мне это казалось пищей богов. Смущало только обилие тараканов, заползавших в их квартиру из расположенной за стеной пекарни.

В июне 1935 года случилась беда. У Ляли на работе образовалась недостача, в несколько раз превышающая её годовую зарплату. Так как касса сдавалась ежедневно, то недостача могла образоваться только в результате просчёта: либо при выплате перевода, либо при передаче смены. Помню, как мы с мамой ходили по квартирам клиентов, получавших в тот злополучный день переводы. Но, конечно, кроме унижения, ничего не добились. Положение опять стало критическим. Угрожала конфискация имущества, в результате которой мы могли оказаться на улице. Примерно в это же время в Красном Куте, где жили и работали Петя с Эрночкой, арестовали Петю. После полугодового следствия и осуждения по

58-ой статье, пункты 10 и 11, его отправили на три года на крайний север в Ухто-Печорские лагеря. Эрночку, как жену репрессированного, сняли с работы. Осенью она с Лизой, Гольди и Адюшей приехала к нам в Тамбов. Теперь нас собралось семь человек. И никто не работал. Лялю уволили, но документы не отдавали до погашения долга. Эрночка обивала пороги гороно, районо и школ, дважды ездила в Москву, но безрезультатно. Учителя немецкого языка и музыки были нужны. Но как только выяснялось, что она жена репрессированного, ей в работе отказывали. Безуспешными были и мамины попытки устроиться на работу. Выручил нас, как и раньше, дядя Роберт, приславший из Германии деньги, столь необходимые для погашения Лялиного долга.

Только в марте 1936 года Ляля, наконец, устроилась на работу бухгалтером железнодорожной больницы. Появилась надежда и у Эрночки. В своих бесконечных скитаниях по коридорам власти она познакомилась с неким Ткаченко - инспектором комиссариата, отставным дипломатом, который помог ей устроиться учителем немецкого языка в 51-ой железнодорожной школе г. Тамбова. Наконец, в декабре 1937 года и мама, несмотря на свои 63 года, устроилась на работу в санитарный участок железной дороги, а потом до сентября 1938 года - счетоводом сельского районо.

Казалось бы, все устроилось к лучшему, но в 1938 году сначала Лялю, потом Эрночку вызвали к следователю НКВД по поводу дяди Роберта. Стали выяснять, когда и почему он уехал из России, зачем приезжал в 1929 году, почему и на какие цели присылал деньги. Наконец, всплыл вопрос и об эрночкиной поездке в Германию. То, что это было перед первой мировой войной и ей в то время было всего 8 лет, во внимание не принималось. Вызовы стали повторяться. Круг вопросов расширяться, ответы в протоколах сопоставляться. Со дня на день ожидали, что вызовут маму.

Пугало, что эти вызовы и допросы происходили в условиях резко нарастающих политических репрессий. Волна за волной по стране прокатились громкие политические процессы: в 1936 году процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра», по результатам которого к расстрелу было приговорено 16 человек, в том числе Зиновьев и Каменев. В 1937 году - процесс по делу «параллельного троцкистского центра» (Второй московский процесс), на котором были приговорены к расстрелу Г. Пятаков, Л. Серебряков и другие. В 1938 году - процесс по делу «антисоветского троцкистского блока» (Третий московский процесс), на котором осуждено еще 29 человек, в том числе Н. Бухарин и А. Рыков. Об этих процессах на всех перекрестках трубили длинные,

вроде граммофонных труб, репродукторы, ими были полны газеты, их показывали в киножурналах почти перед каждым фильмом, их изучали в учебных заведениях, в цехах заводов, на полевых станциях. Поиск врагов усиливался. Штамп «враг народа» ставился на своих и «чужих», знакомых и родственниках, неграмотных мужиках и академиках. Каждая республика, каждая область, каждый завод и колхоз стремились порадовать руководство новыми достижениями. Общество, одобряя политику партии по борьбе с «врагами народа», еще с большим энтузиазмом строило новые города и дороги, первое в стране метро и подземные поезда. Страна была разделена невидимой и подвижной границей на два лагеря: «свои» и «враги». С помощью репрессий была создана огромная армия лагерного труда, позволявшая обеспечивать средствами к жизни тех, кто пока ещё был по эту сторону колючей проволоки, за счет жизни тех, кто был уже по ту. Страна, взявшая курс на бестоварный социализм, была обречена на рецидивы докапиталистических форм эксплуатации. Фундамент «светлого будущего» система создавала, не только опираясь на энтузиазм, но и с помощью легальных полукрепостнических и даже рабских форм эксплуатации.

Конечно, никто из членов нашей семьи не владел тогда даже ничтожной долей той информации, которая доступна теперь любому школьнику. Но кое-какие слухи все же доходили. Помню, как сквозь жесточайшие радиопомехи «глушилок» мне удалось разобрать несколько фраз из открытого письма Федора Раскольниковца, передававшегося какой-то английской радиостанцией, наверное, «Би-би-си». Шёпотом рассказывали о завещании В.И. Ленина и о якобы истинных причинах гибели С.М. Кирова, о зверствах армии Тухачевского, уничтожавшей на Тамбовщине повстанческие отряды Антонова, и многом другом. Но раздоры в верхних эшелонах власти как-то мало волновали маму. Куда болезненнее воспринимались ей аресты близких и хорошо знакомых людей, в личной порядочности и лояльном отношении к государству которых она не сомневалась. Удивляли политические процессы, в которых обвиняемыми являлись малограмотные колхозники: сторожа, конюхи, доярки.

Общую атмосферу настороженности, а для некоторых - страха, усиливали всякие пустяки, например, кампания по изъятию тетрадей, на обложках которых были изображены витязи Верещагина. Кто-то из особо бдительных товарищей ухитрился в вязи рисунка прочесть какой-то антисоветский лозунг. И вот бледные и перепуганные учителя, направляемые руководящей директивой, с таинственным видом стали сдирать с наших тетрадей обложки.

Заинтересованные акцией, мы сами провели расследование и вскоре наиболее сообразительные из нас сумели даже разыскать несколько слов, криминальный характер которых носил уже не политический, а чисто нравственный оттенок. Воистину, каждый находит то, что ищет.

Естественно, что в этих условиях мы со страхом ожидали, чем закончится расследование, проводимое органами НКВД в отношении дяди Роберта. Готовились к самому худшему. Квартиру решили переписать на Лизу, единственного члена семьи, социальное происхождение которого не должно было вызывать у властей особых претензий. На ее попечении, в случае ареста мамы, Эрночки и Ляли, должны были, кроме меня, остаться Гольди и Адюша. Но неожиданно вызовы прекратились. Прекратились без всяких объяснений. Мы терялись в догадках, нас мучили плохие предчувствия. Но неделя шла за неделей и постепенно страх прошёл. Прошел, а рубец остался.

Осенью 1938 года Эрночка уехала с детьми в поселок Чакино преподавать немецкий язык в сельскохозяйственном техникуме. Ляля перешла работать бухгалтером сельского района и одновременно поступила на десятимесячные курсы по изучению немецкого языка. Маму уволили по сокращению штатов. Однако теперь я уже мог вносить свою посильную лепту в семейный бюджет. В соседнем доме жил пятиклассник, у которого не ладились дела с математикой. По просьбе его родителей, состоятельных людей, я стал готовить с ним домашние задания, за что мне платили какое-то вознаграждение. Другим источником моего дохода был ремонт бытовых электроприборов (плиток, кипятильников, утюгов) и радиоприёмников, естественно, только у знакомых и далеко не всегда за плату. Помню, я сделал мощный кипятильник знакомому сапожнику, а он за это сшил мне что-то вроде глубоких тапочек, и я смог, наконец, снять так надоевшие мне калоши.

Школа, в которой я учился, была по теперешним меркам небольшой. Двухэтажная, кирпичная и очень уютная. При школе сад, отгороженный от улицы высоким кирпичным забором. Почему-то помнится он мне осенним. Красноватое солнце. Сырая земля. Жёлтые и красные листья клена. Мы их сгребаем в кучи и пытаемся жечь, а они дымят. Дым жжёт глаза. В школе тепло и уютно. На окнах цветы. Над доской неизменный в те времена портрет «вождя и учителя». Учителя! Хорошо помню классную руководительницу, добрейшую учительницу немецкого языка Клыкову; маленькую, энергичную и очень строгую математичку Аннинскую, которую мы все любили, и все же звали «сороконожкой» за быструю походку и

дробный стук её высоких каблуков. Помню учителя истории и географии, участника первой мировой войны. За его строгими усами всегда пряталась добрая улыбка. Особым уважением к нему я проникся тогда, когда, рассказывая о войне четырнадцатого года, он сказал, что из всех солдат, воевавших на стороне тройственного союза, только немцы выдерживали русские штыковые атаки. В то время сказать такое было небезопасно.

Самый конкретный ранний эпизод школьной жизни, сохранившийся в моей памяти, связан с карбидом. Было это в пятом или шестом классе. Мальчишки где-то раздобыли карбид и насыпали его в чернильницы. Раньше других не выдержала моя чернильница. Чтобы никто в классе не увидел мою забрызганную чернилами физиономию и не начал смеяться (как известно, это самое страшное, что может выпасть на долю мальчишки), я, прячась за партами, пополз к выходу, надеясь проскользнуть до входа в класс учителя. Но не успел! Встреча состоялась в дверях. Пришлось подниматься на ноги под дружный хохот класса.

Много проблем у меня было с физкультурой. Наверное, сказывалось женское воспитание. Физически плохо развитый, я, хотя и выполнял положенные по возрасту нормы, но во многих видах спорта уступал своим одноклассникам, что вызывало их неизменные насмешки. Особенно беспомощным был я в видах спорта, которые требовали мышечной силы рук. С трудом подтягивал я подбородок до перекладины, отчаянно, до боли в затылке, запрокидывая голову; с трудом отжимался нужное число раз от пола, а на кольцах висел, как мешок. Зато в беге и прыжках, за счёт длинных и достаточно сильных ног, я не уступал большинству мальчишек класса. Некоторое время я даже играл в школьной футбольной команде. Ставили меня защитником. И когда я, согнувшись и делая огромные прыжки, неся наперерез мячу, все разбегались. Выглядело это, наверное, очень смешно. Во всяком случае, болельщики, толпящиеся на краю пустыря, наблюдая за мной, свистели и улюлюкали. Но длилось это недолго. К восьмому классу я начал очень болезненно относиться к бестактным, а иногда просто грубым замечаниям физрука и насмешкам товарищей. После одной из очередных его реплик по поводу длинных и бестолковых ног я ушёл с урока и с тех пор прекратил посещать занятия по физкультуре. В те годы, когда вся страна готовила себя к труду и обороне, это выглядело как вызов если не всему советскому обществу, то, во всяком случае, всему школьному коллективу. Я упорствовал, скандал разрастался. Спас меня руководитель школьного шахматного клуба, в состав которого (по своей возрас-

тной группе) я входил. Кроме того, меня обязали участвовать во всех соревнованиях по плаванию, где я показывал хорошие для своего возраста результаты. Плавать меня научил еще отец, когда мне было 6 лет. Нашего физрука я с тех пор возненавидел, а заодно и всех спортсменов и спорт вообще.

Позже, в 9 и 10 классах, свое отрицательное отношение к спорту я перенёс и на занятия по военной подготовке, а заодно и на всех, кто ходил в сапогах и носил военную форму. Особенно не любил я сотрудников НКВД, носивших фуражки с красным околышем и синим верхом. В те времена говорили, что эти цвета символизируют кровь и слезы народа. Это свое неприятие спорта, голый физической силы, военной муштры я пронес через всю свою жизнь.

Самым близким в те годы другом, был мой одноклассник и тезка, Роберт Стокс. Родился он во Владивостоке. Мать умерла при родах, а отец, английский моряк, уехал на родину. В Тамбове Стокс жил со своей тётёй, Евгенией Александровной, в маленькой комнатке по улице Лермонтовской недалеко от нас. Был он очень худым и болезненным. Зимой и летом носил рыжий свитер, туго охватывающий горло. Любимым занятием у нас была игра в войну, для которой мы клеили из бумаги, вырезали из дерева, гнули из жести различного вида оружие: пулеметы, орудия, танки, самолёты, а также солдат. Разработали мы и строгие правила управления войсками. Иногда играли в шахматы. Никогда между нами не было никакого соперничества: ни в играх, ни в учёбе. Но, возможно, мне это только казалось, потому что и в учёбе, и в играх я лидировал со значительным перевесом. И все же один раз мальчишкам удалось нас поссорить. И не только поссорить, но довести дело до драки. Ни мне, ни ему драться совсем не хотелось, но мальчишеская честь этого требовала. Вышли мы после уроков в сопровождении мальчишек класса на берег Цны. Было прохладно и неудобно. От Цны тянуло сыростью. Под ногами хрустели песок и галька. Вокруг на камнях и кое-где валявшихся досках и ящиках портфели, сумки, куртки. Плотный полукруг мальчишеских тел. Все ждали. Положение становилось безвыходным. Надо было начинать. Стокс, по-видимому, унаследовавший от отца морские привычки, первый кинулся на меня. Я, зажмурившись, стал беспорядочно молотить кулаками воздух. И надо же было случиться: с первого раза попал своему другу по носу. Брызнула кровь. И сразу всё кончилось. Он стоял, как всегда бледный, опустив руки, и кровь с подбородка капала ему на свитер. Мальчишки поняли, что драки не получится, и разочарованные, забирая свои сумки, куртки

и шапки, по одному расходились. А мы все стояли, стыдясь посмотреть друг другу в глаза. Потом, дождавшись, когда все ушли, застирали свитер и пошли к нам сушиться.

Запомнился мне еще один случай. Мама с Евгенией Александровной ушли в школу на родительское собрание. Мы же с Робертом, обсудив, как будем реагировать на жалобы учителей, легли на диван и уснули. Вернувшись из школы, мама стала стучать. Сначала тихо, потом все громче. Но в доме было совсем тихо. Окна, заставленные изнутри ставнями, были темны. Стук повторился теперь уже в четыре руки. Но мы с Робертом по-прежнему ничего не слышали и продолжали сладко спать. Вскоре у окон и двери собралась толпа. Советы и предположения сыпались с разных сторон. Кто-то, выбив внутреннюю ставню и понюхав воздух, авторитетно заявил: «Угар! Там, конечно, нет никого в живых!». Кто-то стал рубить входную дверь. И в этот момент я проснулся, зажег свет, чтобы посмотреть на часы, и только тогда увидел висящую на одном крюке ставню, на полу разбитое стекло, а за окном множество бледных, любопытствующих лиц.

Дружба наша со Стоксом продолжалась до окончания школы. Потом дороги разошлись. Он выучился на зубного техника, стал хорошим специалистом. Во время войны был призван в армию, где следы его для меня затерялись.

Сложнее складывались отношения с Лёвой Петерсоном. Познакомившись ещё у «горбуна», мы продолжали дружить семьями. Его мать часто бывала у нас. Мы же с Лёвой и его друзьями долгие летние дни проводили на Цне. Наши матери очень переживали и волновались, но наша тяга к воде оказывалась сильнее.

С Цной у меня связано много воспоминаний. Хорошо помню, например, своё вторжение на женский пляж. В тот день мы опаздывали. Лёвины друзья давно ждали нас на другом берегу Цны, и мы усиленно крутили педали наших великов. Дорога к мосту шла под уклон, и мы надеялись проскочить мост до того, как стадо коров, направляемых пастухами с луговой стороны, взойдет на него. Поняв, что мы не успеваем, Лёва резко затормозил. У меня же тормоз отказал, и я, проскочив мимо сворота на мост, понёсся по круто спускающейся вниз тропинке в самую гущу женского пляжа. Переполох был такой, как будто в курятник попала лиса. Бросив велосипед и, демонстративно закрыв глаза руками, я с трудом взобрался по откосу на улицу, где меня уже поджидал Лёва. К счастью, был уже вечер, и ждать пришлось не очень долго. Когда с пляжа ушли последние посетительницы, Лёва спустился и приволок мой злополучный велосипед. Потом он все это красочно опи-

сал в остроумной, но злой эпиграмме. Мы с ним не разговаривали больше месяца.

Другое воспоминание связано с игрой в «крысы». Ведущий нырял, а остальные его ловили. Процесс этот осложнялся тем, что «крыса», удирая, часто попадала пяткой по лицу кого-либо из преследователей. Играть мы любили у городских купален. Их было две: мужская и женская. Расположенные на расстоянии ста метров друг от друга, они соединялись бонами, протянувшимися вдоль берега. Сами купальни, как на поплавах, покоились на пустых, осмоленных бочках. С тыльной стороны каждой из купален были устроены два ящика для тех, кто не умел плавать. От внешнего мира они были отгорожены высоким забором.

Была моя очередь «водить». Я нырнул, ушел на глубину и, круто развернувшись, поплыл под купальню. Пробравшись сквозь путаницу скользких бочек, скоб и каких-то канатов, я с испугом заметил, что примеченная накануне щель в одном из ящиков забита. Пробираться обратно уже не было времени, не хватало дыхания. Между водой и полом купальни почти никакого просвета. Ухватившись за какие-то скобы, я ногами выдавил доску и торпедой ворвался в ящик, в кровь, разодрав бедро. К счастью, никого не сшиб. Шатаясь, поднялся по лесенке и лег прямо на пол. Здесь, во внутренней части купальни, не было ветра, пригревало солнце, и я незаметно задремал. А в это время Лёва и его друзья, поныряв вокруг купальни и не найдя меня, забеспокоившись, обратились за помощью к дежурным осведомцам, которые, вооружившись шестами, начали безуспешные поиски моего «тела». Заметив переполюх и узнав, что кто-то утонул, я, ничего не подозревая, вышел на внешнюю сторону купальни. Нетрудно представить возмущение Лёвы и его друзей, когда они увидели меня в толпе любопытствующих.

В восьмом классе я подружился с известным в городе радиолюбителем с необычным для нашего времени именем Серафим и довольно редкой в Тамбове фамилией Акулинин. Жил он на нашей улице совсем недалеко от нас. Друзья звали его Симачом. Был он на год или два старше меня. Учился в каком-то техникуме и подрабатывал, помогая матери и больной сестре. Не по возрасту серьезный, очень дороживший временем, он решительно пресекал попытки втянуть его в игры. Происходил Симач из семьи раскулаченных. Много рассказывал мне о Тамбове, его окрестностях, об антоновщине и Тухачевском, от рук которого, как я понял, погиб его отец. Основным его увлечением была радиотехника, что, собственно, и послужило основой нашей дружбы. Мы обменивались

детальями, схемами, замыслами. Разбирали статьи, публикуемые в журнале «Радио». Потом вместе записались в радиоклуб при городском ДОСААФе, сдали норматив на радистов-операторов. Дружба наша сопровождалась систематической конкуренцией: чей приемник, а их мы, конечно, собирали сами, примет наиболее далекую и слабую станцию, у кого будет меньше помех, чище звук. Для того чтобы избавиться от назойливых «глушилок», дни и ночи «забывающих» зарубежные станции, строили рамчатые антенны, при вращении которых, как нам казалось, удавалось хоть немного ослабить «помехи».

В школе свои познания в области радиотехники я использовал при обслуживании школьного радиоузла, но иногда во вред делу. Было это в восьмом классе, зимой. Занимались мы во вторую смену, и последние уроки должны были проходить при электрическом освещении. Чтобы сорвать урок, я выключал в классе свет, протыкал толстой иглой провода, идущие к лампочке, и включал свет. Пробки на щите перед директорским кабинетом перегорали, и свет, к восторгу учеников, гас во всем нашем крыле. Вызывали завхоза. Он менял пробки, но они вновь перегорали. Повторив процедуру несколько раз и не добившись успеха, завхоз шел за монтером, а нас отпускали домой. Перед уходом я вытаскивал иглу и, к удивлению завхоза, пробки, ввинченные электриком, уже не перегорали. Долго ходить в роли героя мне не пришлось. Слух о моих проделках стал распространяться по школе и в конце концов достиг учителей. Последовало мое первое условное исключение из школы.

Много времени уходило у меня на бесконечное усовершенствование радиоприёмников. Вычитав или узнав от кого-либо, главным образом от Симача, о возможности усовершенствования, вносил в схему изменения, иногда не приводящие к успеху. Так как электрических паяльников у нас в то время не было, а разжигать каждый раз примус не разрешала мама, то все эти изменения делались без пайки, как мы тогда говорили, - «на соплях». Постепенно изменения и исправления в приемнике накапливались и, наконец, наступал момент, когда приёмник разбирался полностью и начинался монтаж нового. Мама сердилась. «Хоть бы месяц дал приемнику поработать». Особенно много времени занимала наладка приёмника. Ею я обычно занимался ночью, когда меньше было внешних помех. Возникающие при наладке свист и скрежет, раздражали всех в доме. Особенно доставалось мне от Лизы, оберегавшей сон малышей. После таких ночных наладок я обычно отсыпался и с разрешения мамы в школу не ходил.

С девочками в тот период я не дружил. Никаких сильных чувств, если не считать черноглазой и кудрявой Иринки, к ним не испытывал. Только в самом конце восьмого класса я вдруг стал проявлять интерес к девочке, сидевшей на следующей за мной парте. Что уж было тому причиной и что в ней мне особенно понравилось, не помню, но в классе заметили, что я чаще обычного стал поворачиваться к ней, подбрасывать шпаргалки и даже два проводил её до дома. Почему-то особых насмешек это не вызвало. Летом я с нетерпением ожидал окончания каникул, предвкушая встречу. Каково же было мое удивление, когда, придя первого сентября в школу и увидев её, я не испытал никаких чувств. Не она была тому виной. Что-то изменилось во мне самом. Всеми силами пытался я возродить былое чувство, но ничего не получалось. Передо мной стояла обычная девчонка не хуже, но и не лучше других. Этим открытием я был сильно смущен и чувствовал себя виноватым. Кончалась пора отрочества, наступала юность. Юность, разрушенная войной и лагерем!